

МАРГАРИТА
ШАКИРОВА

На финишной прямой

Бесконечная империя: Россия в поисках себя

АЛЕКСАНДР АБАЛОВ, ВЛАДИСЛАВ ИНОЗЕМЦЕВ

М.: Альпина Паблишер, 2021. – 426 с. – 3000 экз.

*Мargarita
Александровна
Шакирова (р. 2001) –
историк.*

Наверное, со времен Чаадаева и Тютчева в России не было просвещенного человека, который хотя бы время от времени и между делом не размышлял о судьбах своей родины в самом широком смысле этого слова. Книга, о которой пойдет речь ниже, написанная социологом, экономистом и публицистом Владиславом Иноземцевым и историком Александром Абаловым, продолжает эту традицию, заложенную в XIX веке. Ее авторов, однако, интересует не столько исторический жребий России сам по себе, сколько тот имперский облик, в котором он воплощался и который, будучи некогда воспринятым, стал практически неотделимым от самого понятия «Россия». Авторские старания вполне сочетаются с запросами времени: обсуждению живого (и никак не желающего умирать) наследия империи Романовых и сменившего ее советского государства ныне, как известно, не видно конца.

В своей работе авторы ищут ответы на целый ряд вопросов, но самый масштабный из них о том, что же представляла собой российская имперская экспансия в исторической ретроспективе и в чем она похожа (или не похожа) на иные типы

**НОВЫЕ
КНИГИ**

имперской экспансии. Прояснению именно этих моментов посвящена большая часть повествования. Фактически читателю предлагается взгляд на историю России исключительно под углом завоевательной политики, причем независимо от того, в какой роли страна выступала, была ли она субъектом или объектом завоевания.

Колониальную историю нашей страны авторы ведут с незапамятных времен, обнаруживая первые признаки русского колониализма уже в VI–IX веках. Масштабную колонизацию, развернувшуюся на Восточно-Европейской равнине в последующие столетия, они объявляют «важнейшей формой» славянского существования (с. 49). Им, естественно, известно о том, что примерно в тот же период массовыми миграциями были затронуты и многие неславянские племена, перемещавшиеся в основном на юг и на запад, к очагам недавно угасших цивилизаций. Но, как полагают авторы, это был качественно иной процесс, поскольку переселенцы из Восточной Европы, мигрируя, попадали в более развитые территориальные зоны, а со славянами ничего подобного не происходило: их ждали земли, дикие и мало заселенные.

Авторов, однако, больше интересует не эта седая древность, а имперский период русской истории. Начав утверждать себя в качестве империи после обособления от Золотой орды, Россия инициировала две большие волны завоеваний. Первую из них исследователи трактуют в качестве колониализма в чистом виде, вписывая ее во временной промежуток, охватывающий XVI–XVIII века. Причем на указанном этапе, как утверждается в книге, российский колониализм очень напоминает колониализм европейский, занимавшийся освоением неизведанных земель к западу от Европы: сходство обнаруживалось как в масштабах, так и в методах освоения новых пространств.

Вместе с тем российской колониальной экспансии была присуща уникальная особенность. Дело в том, что производимая московскими князьями территориальная аккреция *предшествовала* оформлению национального государства на их «исторической территории» – то есть объединению собственно русских земель. В итоге, как отмечается в книге, «если рассмотреть Великое княжество Московское конца XV и даже середины XVI века с точки зрения тех черт, которые можно считать элементами даже протонационального государства, то можно с уверенностью сказать, что оно им не соответствовало» (с. 137). Рассуждая об огромной восточноевропейской империи, продвинувшейся далеко на восток, авторы предпочитают использовать такие понятия, как «Московская империя» или «Московия», обосновывая свой выбор тем, что центром ее служили исключительно московские, а вовсе не русские, владения. Чтобы превратиться

МАРГАРИТА ШАКИРОВА
НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

в Россию, Московии требовалось не только заполучить земли, находившиеся под властью иноземных монархов (осознавая трудности подобного дела, великие князья не оставляли попыток закрепиться на Западе), но и ассимилировать проживавшее там население. Построение нации в подобных условиях требовало какого-то оригинального фундамента, в качестве которого выступил «православно-российский народ».

Вторая волна российских завоеваний пришла в основном на XIX век. И вновь Россия, присоединив Закавказье и Среднюю Азию, действовала в логике колонизации, практикуемой европейскими державами. Продвижение на юг диктовалось императивами геополитики – авторы называют это «увлечением имперскостью» (с. 175). Включившись в «Большую игру», Россия не могла себе позволить сидеть на скамейке запасных, наблюдая как остальные акторы делят мир.

«[В итоге,] если не принимать во внимание Африку, стоит признать, что на протяжении “эпохи европейского империализма” Россия проявила себя как “плоть от плоти” европейских государств, активно поучаствовав в империалистических экспериментах практически во всех основных зонах геополитических интересов великих держав» (с. 181).

Далее в работе рассматривается экстраординарная судьба российского государства на пике его максимального расширения. Авторы называют это состояние «высокой империей», хотя, вероятно, уместнее было бы говорить о «хрупкой империи».

«Сто двадцать лет, в течение которых российская / советская империя контролировала территории, собранные ее создателями на протяжении предшествующего тысячелетия, стали самым противоречивым и самым драматичным периодом в истории страны» (с. 203).

И действительно, если попытаться взглянуть на русскую / советскую / российскую империю в XX веке, уподобив ее на манер известного «турецкого» клише еще одному «больному человеку Европы», то на ум придут скорее всего психиатрические аллюзии: череда распадов и собраний, новых распадов и новых собраний, опять распадов и опять собраний, которой не видно пока конца, напоминает причудливое биполярное расстройство – образ странный, но точный. В свете сказанного очередная дезинтеграция российского имперского пространства, состоявшаяся на исходе XX века, оказалась отнюдь не случайным событием – она фактически воспроизвела путь, ранее уже пройденный другими империями. Национальная идея, одержавшая победу в периферийных зонах советского государства, за несколько десятилетий до этого развалила колониальные им-

перии Великобритании и Франции. Обветшавшим метрополиям было уже не под силу справиться с вызовами, исходящими от имперских окраин, на которых теперь оформлялись новые национальные идентичности.

Видное место в книге отводится авторской теории «трех рецептов» – византийской, монгольской и западноевропейской, – самым глубочайшим образом повлиявших на становление и оформление российского общества и государства. Регулярные и обширные цивилизационные заимствования, по мысли специалистов, были обусловлены изначальной периферийностью России. Зародившись в тени величественной Византии, Русь в то же время крепла на окраине экономически и политически менее развитой, но в военном плане более успешной Золотой орды. Сломив последнюю, она продолжила развиваться в стороне от Европы. Но, как указывают авторы, «по мере “взросления” русская цивилизация (и особенно ее высший класс) стали искать возможности сближения с каким-то из крупных государств – во многом пытаясь найти образец для подражания не на бытовом, а на политическом и идеологическом уровне» (с. 53). При этом, что довольно необычно, использование инородных социальных практик способствовало вовсе не размытию русской культуры в культурах-донорах, а напротив, сколачиванию Россией собственной своеобразной идентичности. Чтобы разобраться в этом, полезно хотя бы кратко затронуть каждую из трех рецептов.

Из Византии в комплекте с христианством Руси достался самобытный вариант взаимодействия между светской и духовной властью, в рамках которого церковь оказывалась в подчинении у государства. Это радикально расходилось с тем положением вещей, которое сложилось в Западной Европе. Как и следовало ожидать, принятие такого подвида христианства способствовало укреплению княжеской власти – сначала идеологически, а потом и политически. Отмечая роль православия в распространении грамотности, авторы тем не менее считают более существенным иной момент: ставка на христианство восточного обряда, оттолкнув Россию от остальной Европы, закрепила ее в статусе культурной периферии, пусть даже и относительно грамотной, чему поспособствовали как церковный раскол 1054 года, так и последующее затухание Византии. Более того, в условиях, задаваемых полиэтничностью русского общества, а также соседством с народами, исповедовавшими иные верования, византийская рецепция обернулась еще одним важным следствием. Именно на ее основе начала возникать особая политическая идентичность, базирующаяся не на этнической, а на религиозной принадлежности – и это опять-таки решительно противопоставляло Россию Западу.

Наконец, в свете византийской рецепции следует обратить внимание еще на одну идею, завещанную русскому государству умирающей Восточной Римской империей. Речь идет о парадигме «цивилизационного мессианства», изображающей Русь в качестве духовно-политической преемницы Византии. «Вряд ли будет преувеличением сказать, – отмечает в книге, – что именно на рубеже XV и XVI столетий идея мессианства и “особой роли” Руси стала неотъемлемой чертой народного самовосприятия» (с. 78). Здесь, однако, соглашаясь с авторами в принципе, хотелось бы возразить им в частности. Дело в том, что, во-первых, концепт «народного восприятия» представляется довольно смутным и трудно определяемым, а во-вторых, едва ли зоной его укоренения и произрастания могла быть народная толща. Как не раз отмечалось в исторической литературе, идея «богоизбранности Руси» (как, кстати, и идея русского экспансионизма) действительно прорабатывалась русской культурой конца XV – начала XVI века, но происходило это все-таки не массово и народно, а точечно и элитарно. На мой взгляд, делая упор на установках и поведении элит, следует избегать стереотипа «плавильного тигля», превращающего саморепрезентации элит и масс в неразличимое однородное месиво: это слишком упрощает довольно сложную картину. Не исключено, впрочем, что мои комментарии избыточны; ведь по сути для авторов важно не то, от кого исходят те или иные идеи, а кроющиеся под этими идеями универсалистские концепции. Одной из таковых оказывается представление о том, что русское государство есть «“точка преломления” интересов всего православного мира, чьи границы никогда не были четко определены» (с. 77) – и, следовательно, могут изменяться.

Следующая рецепция была произведена Русью в период монгольского владычества. По сути именно противостояние Орде сделало русский колониализм образом жизни молодого государства: долгая и мучительная борьба за освобождение фактически предопределила дальнейший ход русской истории: после небольшой передышки Москва поставила своей целью «собрать и объединить ордынские осколки, что и стало началом масштабного колониального эксперимента» (с. 94). Перечисляя монгольские заимствования, авторы наряду с привычными вещами – вроде «списанной» у кочевников властной вертикали, венчаемой никем и ничем не ограниченным деспотом, – указывают и на менее привычные явления. К подобным относится, в частности, дистанционный способ управления подвластными территориями, не требующий их массового заселения завоевателями.

«Русские учились от монголов не только управлению обширными территориями, но и их элементарному обустройству, причем с использованием очень ограниченных ресурсов или даже за счет местных покоренных / вассальных народов» (с. 87).

Не исключено, что некоторые авторские тезисы покажутся читателю довольно неочевидными. Скажем, действительно ли в освоении русскими бескрайних пространств приоритетная роль принадлежала монгольским влияниям, а не вполне объяснимому нежеланию русских людей перемещать себя на неизведанные восточные земли, да еще адаптируясь там к местным условиям? Тот же вопрос, кстати, можно было бы поставить и в отношении самих монголов: ведь включение в состав их государства лесостепных и лесных зон едва ли вязалось с привычным для них кочевым скотоводством – и потому вынуждало покорителей воздерживаться от релокации поближе к покоренным народам.

Европейская рецепция, как и две предыдущие, тоже отразилась на государственной политике, но, в отличие от первых двух, ограничивалась в основном перениманием технических и управленческих новинок. Эта рецепция, как доказывается в книге, была самой глубокой и основательной. Причем, подчеркивают авторы, «ее нельзя представить как относительно единый акт; скорее процесс складывался из последовательных циклов заимствований, к которым стране приходилось прибегать приблизительно раз в столетие» (с. 100). Растянувшись на четыре века, она вобрала в себя и преобразования Петра I, и реформы Александра II, и даже построение советского государства при Сталине. Эта заключительная рецепция почти не выходила за рамки технологических заимствований: ни демократия, ни либерализм в России не имплантировались. В этом, кстати, процесс не оригинален, поскольку каждая из упомянутых рецепций оставалась по сути фрагментарной. Важное обстоятельство, по мнению авторов, заключается в том, что в XXI веке подобное «урезанное» освоение чужого опыта уже невозможно, так как, во-первых, постиндустриальная парадигма развития изменила «правила игры» таким образом, что одних только технических заимствований недостаточно; а во-вторых, технологические и хозяйственные перемены более не могут обойтись без социальных и политических преобразований, вступающих в конфликт с авторитарными методами управления.

«Сегодня вопрос состоит не столько в том, что Россия не сможет дальше развиваться, сколько в том, что она не может использовать для своего развития лучше всего ей известный прием заимст্বова-

ний. Период, на протяжении которого православная авторитарная империя могла развиваться за счет больших рецепций, объективно заканчивается, и именно этим обусловлено нынешнее истерическое состояние отечественных “охранителей”» (с. 112).

Можно ли, задумываются авторы, считать Союз Советских Социалистических Республик финальной русской империей или же Российская Федерация с неизбежностью проявит ту же имперскую генетику? Уже после выхода книги из печати сама жизнь дала намеки на этот счет, но Абалов с Иноземцевым ни о чем подобном догадываться не могли. Пытаясь ответить на интересовавший их вопрос из 2021 года, они обращают внимание на то, что рождение современной России происходило на фоне глубочайшего экономического обвала начала 1990-х, вызванного вскрывшейся вдруг несостоятельностью плановой экономики – стержневой идеи советской государственности. Иначе говоря, критически оценить собственный имперский опыт Россия не успевала: конструкция рушилась слишком быстро, приходилось в пожарном порядке решать другие проблемы.

«[В результате] если европейские метрополии сумели довольно быстро перейти от досужих рассуждений о своей цивилизаторской миссии и геополитических преимуществах империй к подсчету экономических выгод интеграции и пацифизма, то России этого не удалось совершенно, и причиной тому была экономическая несостоятельность империи в эпоху прогрессирующей глобализации» (с. 292–293).

Совокупным итогом слишком быстрой деконструкции коммунистической империи стал грандиозный комплекс неполноценности, проявивший себя в ностальгии по ушедшему могуществу, ненависти к более успешным конкурентам («виновникам поражения»), стремлении любой ценой продемонстрировать собственную значимость на международной арене. Подобный идейно-политический фон не позволил преобразовать имперское пространство в федеративную политику, а это обернулось серьезнейшими последствиями. «Неготовность элит принять ценности федерализма, – пишут авторы, – стала исторически и логически *первой* фундаментальной причиной возрождения российской имперской структуры» (с. 283). Суррогатный же федерализм, закрепленный в российской Конституции 1993 года, на деле оказывается инструментом нового империализма: это эффективный способ легального поглощения новых территорий, «добровольно входящих» в федеративный союз. На руку ревнителям имперского возрождения сыграло и то, что распад СССР не сопровождался массовым переселением этнических

русских с периферий в метрополию, что было характерно для иных колониальных империй:

МАРГАРИТА ШАКИРОВА
НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

«[Образовался] неизвестный для европейских деколонизаций феномен: в новых постсоветских государствах возникли значительные русские диаспоры, а во внешней политике Российской Федерации – мотив “защиты прав русских” на территории бывшей имперской периферии» (с. 287).

Тем не менее, подытоживают авторы, несмотря на то, что имперская история России отнюдь не закончилась, страна уже никогда не сможет быть «полноценной» империей: у нее нет – и не будет – необходимых для этого экономического и идейного потенциала. А потому единственное занятие, доступное нынешней России на поприще великодержавности, – это мучить себя и других болезненными имперскими комплексами.